

**Несостоявшаяся «вещь» И. А. Дергачева
о мечтателях из Чёрмоза**

И. А. Дергачев. 1950 г.

Высокий творческий потенциал профессора Уральского университета Ивана Алексеевича Дергачева имел поразительные результаты¹. Его исследования в области литературоведения привели к созданию научной школы, где были системно осознаны и сформулированы основные задачи изучения региональной словесности². Благодаря энергии и творческим задумкам ученого был создан проект Объединенного музея писателей Урала. Главной особенностью его является не только воплощение в системе музеев многогранности литературного процесса, но активное участие в повседневной музейной жизни ученых и энтузиастов краеведческого движения. Поэтому проект находится в безостановочном развитии, выходя на новые уровни постижения литературного материала, находя

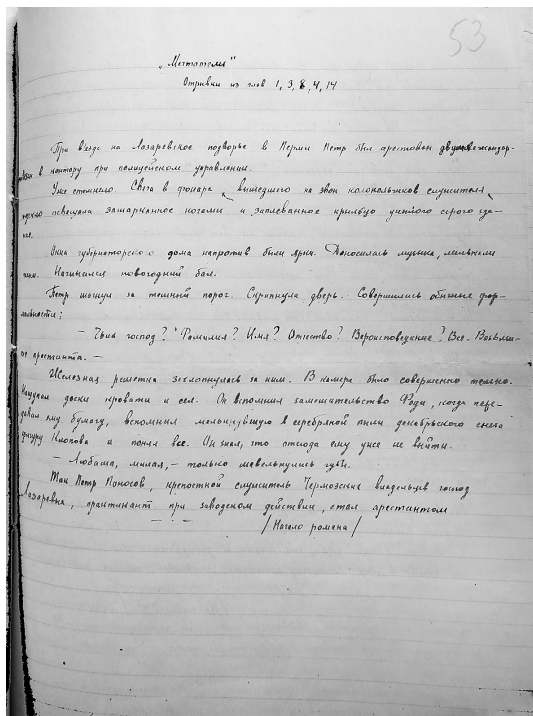
новые варианты его презентации и новые формы работы с публикой. Столь же перспективными и результативными были предпринятые И. А. Дергачевым усилия по организации в 1940 г. в Свердловске филологического факультета, а также смелый шаг по созданию отдельного факультета искусствоведения и культурологии, существовавшего сначала в качестве специализации на филологическом, а затем выделившегося в отдельную структуру. Продуманная и созданная на факультете система кафедр и специализаций показала свою жизнеспособность. И конечно, всем памятна энергия и увлеченность Ивана Алексеевича своими начинаниями; его жизненный принцип — ничего нельзя делать впосилю, душу нужно вкладывать в любое дело и быть честным с собой и людьми. Можно сказать, что требовательность И. А. Дергачева, результаты которой столь конструктивно ощущали на себе его ученики, в равной степени относилась и к нему самому. Научные работы, написанные с подлинной исследовательской страстью, не случайно «заразили» учеников Ивана Алексеевича вниманием к уральской литературной жизни, желанием познать устройство и закономерности словесного мира.

¹ Биография И. А. Дергачева публиковалась не раз [см.: 9; 20].

² И. А. Дергачев писал об этом неоднократно, разрабатывая программы изучения литературы Урала. В его архиве обнаружилась рукопись программы по составлению библиографии литературы Урала [см.: 5].

После ухода И. А. Дергачева, как после любой творческой личности, остался большой архив, где наряду с черновиками завершенных работ, учебными материалами присутствует весомый блок рукописей с заметками и описанием творческих планов³. Однако все эти архивные материалы имеют отношение к послесловенному периоду жизни профессора — во время Второй мировой войны все семейство Дергачевых покинуло родное гнездо в Перми, в связи с чем была утрачена большая часть родовых документов и библиотеки.

При таком положении дел большой неожиданностью и своего рода сюрпризом стала находка в фондах Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО): в деле из фонда Уральской ассоциации советских писателей (УАСС) была обнаружена папка, датированная 1932–1934 гг., в ней среди других рукописных материалов были найдены отрывки из произведения «Мечтатели», принадлежащие перу И. А. Дергачева, о чем свидетельствует почерк, подпись и письмо автора редактору издательства⁴. Тип почерка и характер составления дела указывают на непрофессионального канцелярского работника. Авторское название рукописи Дергачева изменено.

Роман «Мечтатели» — начальная страница рукописи

³ Большая часть архива находится в Новосибирске, где его описанием занимается М. А. Дергачева [см.: 6].

⁴ Екатеринбург, ЦДООСО, ф. 1615 (Уральская ассоциация советских писателей), оп. 1, д. 2. 1932–1934 гг., 160 л. Л. 53–60. Отрывки из романа «Мечтатели». Папка грубой выделки с записями на обложке, где указано, что изначально она находилась в редакции Уральской советской энциклопедии (зачеркнуто), а затем в фондах УАСС (Уральской ассоциации советских писателей). Перечислены без указания авторов следующие «рукописи рассказов»: 1. «Вазых Замалдеев», 2. «Жизнь меняется», 3. «Наступление Вольтеров», 4. «Голубой луч», 5. «В лугах», 6. «Мечтатель» (так!), 7. «Рождение» и др.

Письмо, датированное 17 декабря 1935 г., обращено к редактору Свердловского государственного издательства и написано, по видимости, после конкретных переговоров с Андреем Степановичем Ладейщиковым (1911–1948), в 1934–1935 гг. занимавшим в издательстве пост редактора художественной литературы и знакомым с И. А. Дергачевым, вероятно, со времен своего студенчества в Пермском университете [см.: 1]. Обучение Ладейщиков досрочно завершил в 1931 г. и был направлен в новообразованный Урало-Сибирский коммунистический университет Свердловска, где читал курсы по литературе. Вся его дальнейшая карьера была связана с литературно-критической и издательской деятельностью. Известно, что в 1935 г. Ладейщиков занимался крайне перспективным делом — готовил собрание сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка, которое в пяти томах вышло в Свердловске в 1936 г.

Письмо Дергачева сопровождало отрывки из произведения, переписанные от руки и приведенные здесь же. В письме написано следующее:

Для ознакомления с художественным уровнем вещи я подобрал отрывки, характеризующие самые различные моменты: развитие действия, стилизация речи, эпистолярная форма и т. д. В настоящее время состояние дела таково: из 15 предполагаемых глав написаны 1–5 и 14. Остальные в планах и набросках. Общий объем предполагается в 9–10 печатных листов. На доработку потребуется 2–2,5 месяца. В случае острой необходимости могу предоставить детальный план романа, хотя и не считаю это существенным, т. к. неизбежно детали, расположение, соотношение их в процессе писания изменяются.

Как будто все, как я понял из письма Андрея Степановича (Ладейщикова. — Л. С.). Если будут какие-нибудь неясности, убедительно прошу написать по адресу: Пермь, ул. Большевикская 155 кв. 1. Дергачеву Ивану Алексеевичу.

Данное письмо дает точную датировку работы — 1935 г. — и отчасти противоречит дате, указанной на папке, что говорит о более позднем этапе формирования дела. К сожалению, автор не оставляет нам определение жанра произведения, называя текст «вещью». Судя по объему, это скорее все-таки повесть, чем роман. Ее детальный план в архиве отсутствует, от самого текста остались только сохранившиеся в архиве отрывки. И. А. Дергачев предполагал быстрое завершение произведения, к середине 1936 г. Примечательно, что в письме не говорится о гонораре или других условиях публикации — речь идет только о завершении произведения как о чем-то достаточно решенном. Представленные отрывки, действительно, красноречиво раскрывают общую концепцию повести, озаглавленной в духе советского времени — «Мечтатели».

Указанная повесть представляет собой художественное осмысление уникальных исторических событий, произошедших в пермском имении заводчика И. Е. Лазарева⁵ в XIX в.

---

⁵ Род Лазаревых своей неординарностью, энергией, а также меценатской деятельностью вызывал интерес краеведов XIX в. [см.: 7].

В 1836 г. (с весны по ноябрь) в городе Чёрмозе Пермской губернии, бывшем частью большого уральского имения Лазаревых (род армянского происхождения), в среде молодых крепостных служащих возникло тайное общество «Вольность», программный документ которого провозглашал задачу «уничтожения крепостного права». Под этим документом значились подписи девяти человек в возрасте от 18 до 22 лет. Это были дети крепостной администрации завода, получившие образование в Чёрмозском заводском училище. Главным организатором оказался сын караванного служителя, крепостной Петр Иванович Поносов⁶. В свои 20 лет он успел завершить полный курс (с третьим специализированным классом) училища и был определен помощником учителя. Это была низкая, малооплачиваемая и малоперспективная должность. В 1836 г. он составил проект общества «приверженцев свободы», объяснение задач общества и целей организации было прописано с использованием риторики просветительского характера о России во «мраке невежества», в содержании было много пафосных фраз о свободе как о чем-то неотъемлемо присущем человеку, и все обуславливалось абстрактным благом государства: «Величество государства зависит от свободы граждан». Прописана была также структура организации, предполагавшая в дальнейшем привлечение грамотных заводских служащих, но отнюдь не направленная на свержение монархического правления. Документ был подписан молодыми сверстниками Петра Поносова, среди которых были его ближайшие друзья и родственники⁷.

Создание данной организации свидетельствует скорее о стремлении выразить некую интеллектуальную элитарность объединяемых людей, которые осознают свое нравственное превосходство, связь с идеями европейской просветительской мысли; которые не принимают и осуждают рабство. Это осуждение от имени «благомыслящих граждан», «верных приверженцев свободы» должно было в дальнейшем способствовать изменению крепостной зависимости, но без насильственных действий. Никакого конкретного плана борьбы, никаких способов противостояния и пропаганды в целях разрушения российского политического строя не предлагалось.

Общество просуществовало недолго. В силу его просветительского характера конспирация как таковая отсутствовала, а желание выслужиться и тем самым улучшить свое положение привело к тому, что один из привлеченных в общество местных жителей, 18-летний помощник учителя Алексей Ширкалин, написал донос управляющему имения, и началось следствие. Все члены общества были

---

⁶ Отец Петра Поносова был караванным, это была особая должность, требовавшая грамотности, умения организовывать команду, практической сметки, чтобы проводить караваны по Каме. Из этого же рода известен Никифор Поносов, самодеятельный художник, расписывавший храмы и получивший вольную за свои труды [14].

⁷ Под уставом и воззванием подписались: Петр Поносов, Михаил Ромашов, Степан Десатов, Петр Мичурин, Андрей Михалев и Федор Наугольных. В его составлении принимали участие братья Петр и Алексей Ширкалины и Михаил Поносов.

арестованы. В нескольких государственных архивах сохранились подробные судебные сведения о деятельности общества и конфискованные документы⁸.

Насколько радикальным было данное общество, так до конца и неясно. Вряд ли самому хозяину завода было выгодно представлять Чёрмоз как гнездо революционных идей и бунтарского настроения. Однако историческая ситуация складывалась не в пользу молодых идеалистов. Этот момент отмечает в своих очерках о Чёрмозе Н. Н. Новокрещенных [13]. В его работе предпринята попытка представить объективную картину произошедшего с учетом контекста развития культуры имения и прогрессивной позиции хозяев, немало сделавших для образования своих служащих; при этом внимание обращается на ряд субъективных обстоятельств. По выводам Н. Н. Новокрещенных, благое начинание по развитию образования на заводе, в основе которого были широкие и весьма гуманные взгляды владельцев имения, было грубо подкорректировано «зверствами местных властей». «Благодушие на бумаге, гуманные проекты» плохо сочетались с суровой действительностью. Лазарев действительно заботился об углублении образования: в 1836 г. закончилось строительство нового здания для училища, оно было снабжено библиотекой, была отремонтирована школа. Для библиотеки закупили книги, среди которых были переводы исторических и философских сочинений западных авторов. «Школа и библиотека воспитывали идеалистов, кои жили мечтой, той жизнью, которую знали из книг, и эту-то жизнь хотели ввести как нечто обыденное» [13, с. 97]⁹. К субъективным обстоятельствам был отнесен и тот факт, что владелец завода узнал о доносе на общество молодых идеалистов лишь после вмешательства губернских властей. Материалы дела были отправлены в Петербург, где опасность этих документов была необоснованно усилена, дело представили самому императору, и наказание виновных или даже просто причастных чёрмозских юношей ожидало самое суровое. Столичный следователь Певцов, явно претендующий на царскую благосклонность за расследование бунтарского гнезда, очень старался, зная, что в памяти Николая I еще не утихли события 1825 г. Главным виновником всего было объявлено училище — и его закрыли на два года. Справедливости ради надо отметить, что следствие выявило случаи жестокого обращения с работниками завода и необоснованных наказаний со стороны правления. Сам Лазарев также был подвергнут обструкции, о чем он с горечью писал как о бесславии и большом «огорчении». В выводах следователей более звучала мысль о негативном воздействии плохо понятой европейской философской литературы, чем о раздумьях общества, вызванных реальной ситуацией с крепостной зависимостью и произволом системы. В результате были запрещены празднества, собрания и присылка учеников в столицы, потому что кроме вреда от них ничего нет, и «ранние несозревшие, ложнообразованные прикачки и учителя зловредны (орфография оригинала. — Л. С.)» [13, с. 100–101].

---

⁸ См.: ГАПК, ф. 208; РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 1822; ГАСО, ф. 43, оп. 4, д. 356.

⁹ Автор явно пользуется следственными документами, хотя нигде не приводит их описание.

Из-за этого «эпизода» (по характеристике Н. Н. Новокрещенных) чѣрмозские школы, которые были вровень с лучшим школами на Урале, были отодвинуты на задний план и дело образования юношей заглохло [13, с. 144–145].

В процессе следствия все арестованные члены общества, включая Петра Поносова, причинами для его организации называли притеснения со стороны заводских управляющих и всячески открещивались от радикальных антикрепостнических воззрений. Именно такая оценка причин возникновения чѣрмозского общества «Вольность» была принята в историографии XIX в.

Следует заметить, что послереволюционная историография в корне меняет оценку общества (более обстоятельно об этом ниже); к сдержанной трактовке революционного пыла организации возвращается современный историк Э. А. Черноухов, обстоятельно анализирующий документы и выводы следствия¹⁰. Признавая определенную правоту исследователя, ссылающегося на документы, нужно иметь в виду, что ни в интересах подследственных, ни в интересах заводоуправления, ни даже, вероятно, в интересах местной жандармерии фиксировать и подчеркивать антиправительственные настроения просвещенной молодежи не было резона. Любое следствие — дело экономически разорительное и портящее репутацию многих участников процесса. Сокрушительные репрессии, обрушившиеся на сравнительно малорезультативные деяния общества, объясняются господством в то время застывшего идеала порядка, превратно понимаемого правительством и лично Николаем I, любое нарушение этого порядка в реальной жизни грозило тяжким наказанием.

Процесс по данному делу имел печальный результат не только для подследственных. Возмездие обрушилось на более широкие круги населения. Признание общества «законопреступным» привело к ссылке всех его участников в арестантские роты на опасный Кавказ и в Финляндию (распоряжение императора Николая I от 13 марта 1837 г.). Кроме того, над жителями Чѣрмоза по мельчайшему подозрению в вольномыслии устанавливался полицейский надзор, фильтрации была подвергнута общественная библиотека Чѣрмоза, а Чѣрмозское народное училище, под крышей которого притаились опасные вольнодумцы, было закрыто [13, с. 164; 10; 11] и вновь открылось только в 1838 г. Эти события совпали с осознанным стремлением правительства ввести жесткую цензуру. По уставу 1828 г. любые рассуждения о необходимости государственных или сословных реформ объявлялись запретной темой. В 30-х гг. было принято решение об ограничении образования для крепостных в гимназиях и высших учебных заведениях, ужесточился государственный надзор над частными школами в имениях и заводах.

Ситуация в Чѣрмозском заводе достойна более подробного рассмотрения и оценки не только как история подавления движения крепостных вольнодумцев,

---

¹⁰ По мнению Э. А. Черноухова, «обстоятельно проведенное следствие установило, что все это дело — лишь “плод безрассудной мечтательности и ветреной молодости”, не имевшее никаких объективных причин. Источником идей этих молодых служителей было названо превратное прочтение некоторых книг» [23].

но и как история зарождения чёrmозского «культурного гнезда», где выделяется поколение самостоятельно мыслящих молодых людей, терзающихся невестрбованностью собственныx талантов, образования и идей, думающих об общественной пользе. Государство и заводская администрация, трактовавшие эту творческую энергию в атмосфере страха всякой неположеной мысли как сугубо вредительскую, не смогли направить ее на полезные преобразования в области просвещения, переустройства имения, на создание обществ для реального улучшения нравственного климата.

В советской исторической науке характеристика протестной деятельности общества приобрела гиперболизированные формы, о чем свидетельствует сложившийся к 50-м гг. XX в. стереотип оценки деятельности малозаметной в историческом контексте организации как антикрепостнической и предреволюционной. Примером подобной трактовки исторического материала служит электронная энциклопедия Пермского края, где неоднократно в статьях, посвященных истории Чёрмоза и рассказу об обществе и отдельных персоналиях, проговаривается отмеченная нами стереотипная мысль¹¹.

Однако данное общепринятое положение того времени, когда советское государство с торжеством обнаруживало элементы революционного протеста на местах, отнюдь не было характерно для послереволюционных 20-х гг. Именно тогда начала формироваться новая история Российского государства, отыскивались и переоценивались события прошлого, корректируемые идеологией эпохи. Это произошло и с событиями в Чёрмозе. Большим везением оказалось то, что в собрании дел Пермской ученой архивной комиссии сохранились материалы судебного разбирательства 1836 г.¹² Фонды комиссии вошли сначала в губернский архив, который был реорганизован в 1923 г. в Пермский окружной архив. Ценные документы из Пермской ученой архивной комиссии в большинстве своем были переданы именно в это хранилище. Следственное дело о Чёрмозском обществе также попало сюда и стало доступно исследователям.

Фактически до 1927 г. архив находился на территории Пермского госуниверситета. И хотя документы хранились в помещениях, мало приспособленных для этой цели, проходила работа по структуризации архива, создавался топографический указатель для поиска документов, документы размещались по тематическим секторам, были разделены на дореволюционную и послереволюционную части. В архиве началась работа по тематическому выявлению документов,

---

¹¹ В Чёрмозе «работало заводское училище с девятилетним сроком обучения, где с весны до нояб. 1836 г. действовало тайное общество “Вольность”, созданное представителями крепостной интеллигенции во главе с П. Поносовым и носившее антикрепостнический характер (разгромлено властями, а его участники понесли суровое наказание)». Умалчивается, что Поносову в это время было 20 лет, общество существовало чуть более полугода, никаких заметных действий не совершило [см.: 11]. Сведения о биографии организатора общества Петра Поносова включены в справочник «Революционеры Прикамья» [17].

¹² ПУАК была одной из самых квалифицированных по составу и являлась результатом собирательной деятельности из провинциальных архивных комиссий [15].

обусловленная новыми задачами. Одним из специалистов, знающих архивную работу, был доктор исторических наук, профессор Александр Антонович Савич (1890–1957), выпускник историко-филологического факультета Московского университета [см.: 25; 26]. Он был заместителем декана педагогического факультета ПГУ (с 1924 г.), который затем был преобразован в Пермский индустриально-педагогический институт. В круге интересов А. А. Савича находились история и культура края. Он был последователем развернувшегося к тому времени в России краеведческого движения, одним из первых составил курс по истории Урала (1925). Также он принимал участие в организации и дальнейшей активной работе в научном краеведческом обществе — кружке по изучению Северного края при Пермском университете. Кружок был организован профессором-филологом и выдающимся краеведом, чьи работы давно стали классикой академического краеведения, Павлом Степановичем Богословским (1890–1966). С 1923 г. он руководил работой кружка, организовал издание «Пермского краеведческого сборника», где публиковались полевые записи и научные исследования. Его тезис о культуре Урала как продукте «своеобразной горнозаводской цивилизации» оказал продуктивное влияние на развитие исторического краеведения [см.: 2; 18; 24].

В середине 1920-х — начале 1930-х гг. Савич принимал активное участие в краеведческой работе в Перми и Прикамье, являлся заместителем председателя научного краеведческого общества, одним из членов-учредителей Пермского этнографического общества. В 1931–1932 гг. профессор заведовал кафедрой истории народов СССР. Опубликованный А. А. Савичем в 1925 г. в Перми курс лекций по истории региона «Прошлое Урала» был первым обобщающим историческим исследованием о крае. В этом же году была опубликована основанная на изучении архивных материалов статья исследователя о тайном Чёрмозском обществе [16].

Профессор П. С. Богословский был одним из почитаемых И. А. Дергачевым преподавателем университета / института. Сын священника родом из Соликамского уезда, закончивший, как и отец Дергачева, Пермскую семинарию, он был настоящий патриот Урала, понимавший самобытность его истории и культуры. При создании филологического факультета в довоенное время Дергачев пытался организовать ему работу в Уральском университете, что, однако, не сложилось по бытовым условиям. Так что обсуждение в кружке Богословского архивных материалов из Чёрмоза, ознакомление участников кружка со статьей профессора А. А. Савича должно было быть обязательным.

В 1927 г. при архивохранилище появился первый читальный зал, открытый прежде всего для студентов и преподавателей университета. Помня, насколько внимательно и ответственно И. А. Дергачев относился к изучению архивных документов, мы можем предположить, что навыки подобной работы и убежденность в значимости архивных материалов он получил от своих пермских профессоров — знатоков архивного дела Богословского и Савича.

Конец 20-х гг. в истории советской литературы был ознаменован выходом таких блистательных исторических романов Юрия Тынянова, как «Кюхля» (1925)

и «Смерть Визир-Мухтара» (1927). Автору этих произведений удалось мастерски соединить талант высокого художественного слова и исследовательский подход к конкретному историческому материалу: в романах не было вымышленных героев, чувствовалась основательная работа автора с документом — в то же время эти документальные источники были переплавлены в горниле художественной прозы. Именно романы Тынянова легли в основу складывающихся в то время представлений о пушкинской эпохе, с одной стороны, и раскрывали проблему творца и времени, личной биографии в контексте исторических поворотов эпохи — с другой. Важно было и то, что эти произведения представляли юношеские мечтания главных героев в качестве истоков всей последующей их судьбы. В этом заключалась своя привлекательность, обаяние тыняновского текста, который, по всей видимости, и должен был подтолкнуть молодого филолога И. Дергачева к желанию реализовать свой творческий потенциал в создании пока что сравнительно небольшой повести на местном историческом материале, который, в свою очередь, имел несомненные переклички с лицейскими исканиями героев Тынянова. Искушение попробовать себя в роли одновременно писателя и историка, обратившегося к трагической истории молодых сверстников предыдущего века, было велико. К тому же приближался своеобразный юбилей описываемых событий — 1936 г.; возможность использовать оригинальные документы судебного дела, окунуться в эпоху, войти в то время научной исследовательской тропой — все это явилось дополнительными факторами, повлиявшими на молодого автора и придавшими ему смелость и дерзость в создании целостного художественного текста.

Дошедшие до нас архивные материалы говорят о явном наличии у Дергачева писательских способностей. Роман структурирован, продуман и хорошо подогнан под интересы читателя. В нем используются разнообразные приемы, демонстрируется умелое владение различными стилями изложения. Подобно Тынянову-романисту, И. Дергачев основывается на документальных материалах. В следственных делах сохранился устав общества, донос, написанный А. Ширкалиным, допросные листы и характеристики героев процесса, а также заключение следователя. Кроме того, там есть описание выявившихся попутно злоупотреблений приказчиков завода, список книг библиотеки и т. п. Всеми этими материалами пользовались А. А. Савич, а ранее, в XIX в., Н. Н. Новокрещенных — в его очерке дано подробное описание Чёрмоза с анализом его климатических условий и географического местоположения, благоприятных или неблагоприятных для проживания человека. Н. Н. Новокрещенных подробно воссоздал картину заводского производства, состояние просвещения и здравоохранения, вплоть до перечисления имен врачевавших медиков, среди которых были и иностранцы, приглашенные Лазаревыми. К этим сведениям явно обращался И. А. Дергачев.

Композиция повести «Мечтатели» довольно прихотлива. Автор начинает со сцены ареста главного героя, организатора тайного общества «Вольность» крепостного чёрмозских заводов Петра Поносова. В тексте представлен отрывок, повествующий о допросе, следовании главного героя к местам заключения.

Находясь в застенках, Петр вспоминает о своей любимой: встреча с ней на фоне весенней природы описана в трогательно-романтическом духе. Изложение событий идет от разных лиц — вероятно, И. Держачев сознательно экспериментирует, пробуя перо в различных стилях повествования. С лирических и гневно-иронических раздумий героя автор переключается на описание ужасающего быта Чёрмозских мастеровых, изложенное от лица лекаря немецкого происхождения — персонажа, которому не были чужды юношеские романтические мечтания о свободе духа, человека начитанного в умозрительной немецкой философии. И. Держачеву удается точно и тонко изобразить и особенности немецкого акцента, и специфику немецкого мышления в целом — жалость, сентиментальность и горечь разочарования от невозможности изменений к лучшему. Это достаточно убедительно воспроизводится в письме лекаря неведомому предшественнику в Петербург, на Васильевский остров.

Живая образная картина с обращением к народному просторечию создана в сцене посещения Петром и его сотоварищем мастерового Шишкина. Рассказ о драматически сложившейся судьбе крепостного, чью любовь разрушили, растоптали чувства, которого продали, как вещь, другому хозяину, выполнен во вполне традиционном для русской литературы ключе, однако со своими тонкими деталями, проявившимися, например, в описании алкогольного опьянения героя, его неумного темперамента, специфически уральского говора, гордости за собственный труд и необузданного пьянства как реакции на навязанный образ жизни. Придуман И. А. Держачевым и нестандартный сюжетный ход: Шишкин, простой крепостной, которому поручали переписывать господские документы, оказывается, хранил переписанные им тексты воззвания К. Рылеева и его стихи, а затем передал их местной молодежи. Таким образом, в сюжете повести нашла буквальную реализацию мысль о передаче через рукописный текст высоких идей движения декабристов тем самым крепостным крестьянам, ради освобождения которых и было осуществлено восстание 1825 г.

Столь же оригинально автор рисует события самого декабристского восстания. Оно изображается по воспоминаниям крепостного, случайно оказавшегося недалеко от Сенатской площади и видевшего все происходящее в кругу таких же, как он, людей из народной среды.

Часть событий произведения происходит с участием Ивана Екимовича Лазарева, который ходит просителем к А. Х. Бенкендорфу, шефу жандармов, после ареста своих крепостных (гл. 14). Автор передает ощущения больного, усталого Лазарева, его смущение и даже полное подчинение государственной машине устрашения, олицетворяемой Бенкендорфом. Разговор двух персонажей основан на реальных выводах следственной комиссии и резолюции Николая I.

Состояние рукописи позволяет сделать вывод, что она прошла редакторскую читку — в ней присутствуют следы редакторской работы, сравнительно незначительные, касающиеся отдельных слов, требующих уточнения. И эта доработка требовала бы небольшого времени. Учитывая перечисленные художественные достоинства обнаруженных фрагментов произведения: разнообразие

используемых поэтических приемов; точность художественной детали; мастерски прописанные диалоги, где присутствуют разнообразные стили устной речи (молодежной, чиновничьей, мастеровых); тонкую передачу психологических состояний, переживаний героев, отражающихся в образах природы; а также достойные пера зрелого мастера зарисовки уральской зимы, воссозданные образы дороги, ямщицкого быта, взаимоотношения главного героя Петра Поносова с жандармами, — можно сделать вывод, что при осуществлении автором всех планов этот текст мог бы вырасти в добротный исторический роман, нашедший своего читателя, особенно в юношеской среде.

Однако замысел автора до конца не воплотился — и на то, как мы полагаем, могло быть несколько причин. Во-первых, это был тот период жизни И. Дергачева, когда решалась его судьба. К 1935 г. он еще не сделал такой блестящей карьеры, как, например, А. С. Ладейщиков, которого без высшего образования взяли преподавателем литературы в Урало-Сибирский коммунистический университет. В случае Дергачева, вероятнее всего, причины крылись в его происхождении — не крестьянском и не рабочем, а «из служащих», да к тому же в его родословии было немало священнослужителей, начиная с деда, всеми почитаемого тезки Ивана Алексеевича [см.: 19]. И хотя отец И. Дергачева после окончания Петербургской духовной академии никогда не служил в церкви (сразу ушел в образовательную сферу, после революции преподавал древние языки в ПГУ), гордиться рабоче-крестьянским происхождением молодому филологу не приходилось. После окончания института (1931) Дергачев переезжает из Перми и начинает работу в Свердловском техникуме связи. В Свердловске в это время кипит поразжающая количеством мероприятий [22] околосредовая жизнь, выпускаются журналы (типа «Рост», затем — «Штурм»), читаются лекции, организуются средовые кружки в крестьянской и рабочей среде. Тем не менее Дергачев, по всей видимости, пока не чувствует себя здесь своим окончательно — по крайней мере, просит пересылать ему корреспонденцию в Пермь.

Первая публичная лекция И. А. Дергачева — о Владимире Маяковском — состоится в 1940 г. (13 апреля), когда он будет преподавателем филологического факультета университета Свердловска. Но к этому времени интересы Дергачева будут лежать уже в иной области — он будет работать над диссертацией о кружке Н. В. Станкевича, защите которой помешает начавшаяся война. Надо полагать, что и тема о кружке молодых философов, последователей Шеллинга и Гегеля из Московского университета, возможно, была продиктована интересом исследователя к теме юношеских мечтаний об изменении мира, столь убедительно прописанной в художественной повести. Таким образом, и научные, и средовые поиски молодого Дергачева пересекались, различными же были их векторы: от краеведческой тематики (изучение сообщества местных энтузиастов) автор перешел к общероссийской, точнее, к тематике, связанной с элитарным студенчеством российской столицы.

В период укрепления диктаторской сущности советской власти (конец 20-х — 30-е гг. XX в.) краеведческое направление в историко-культурных

изысканиях подверглось перестройке. С одной стороны, поддерживалось изучение освоения человеком природы, истории фабрик и заводов, массовых народных выступлений — всего, что работало на характеристику классовой сути культуры; с другой — формировались культы прославляемых и всеми признаваемых деятелей культуры и искусства при полном забвении других¹³.

В 1932 г. над А. А. Савичем нависло обвинение в неправильном методологическом освоении исторического прошлого. Профессор Пермского пединститута был обвинен в том, что он не обеспечивает «преподавание своего предмета на основе марксистско-ленинской методологии» и проводит «антимарксистские установки в своих научных трудах». Савич был «отчислен» от занимаемой должности, позднее переведен в Ярославский пединститут [26]. Столь же бесцеремонно был выдворен из сферы исследования пермской региональной культуры профессор П. С. Богословский — это оказалось связано с его участием в создании Уральской советской энциклопедии. Работа над энциклопедией шла с 1928 г., и в 1929 г. был выпущен первый том. На 1932 г. падает начало разгрома ее авторского коллектива¹⁴. Исключение из его состава П. С. Богословского сопровождалось формулировкой: «...проф. Богословский подвизался на страницах Пермских научных изданий с явно антисоветскими, поповско-мракобесническими статьями» [8, с. 158]. Это стало сигналом к его травле, отсроченной до 1935 г., последовавшего увольнения и фактической ссылки в Караганду до 1940 г.

Местная историография становилась все более обезличенной, постоянно менялись концепция и состав исторических имен, что вынуждало сотрудников пересматривать уже вышедшие из печати издания. Над авторами, не успевшими отреагировать на изменившуюся конъюнктуру, висела угроза реальных преследований. В связи с начавшимися массовыми репрессиями редакции региональных энциклопедий не успевали убирать из материалов, подготовленных к печати, авторов, ставших *persona non grata*. Редуцировался список и сокращались статьи об исторических персонажах, не вошедших или со временем выпавших из номенклатуры лиц, признанных партийными структурами в качестве исторически значимых. Так, в 1932 г. отдел «Personalia» Уральской советской энциклопедии было решено сократить до минимума, редактор издания Я. Р. Елькович (позднее репрессированный) напомнил, что при создании словника «центр тяжести должен быть сосредоточен на героях гражданской войны, участниках большевистского подполья, героях труда, награжденных орденом Ленина» (ГАСО, ф. 292, оп. 1, д. 5, л. 35) [цит. по: 8, с. 160]. Таким образом, краеведческое направление оказалось в худшей ситуации, нежели просто забвение: выбор событий и героев локальной истории совершался исключительно в угоду политической линии партии.

---

¹³ Это особая тема — создание в общероссийском и региональном пространстве системы (практически новоявленных культов) почитания деятелей искусства, науки и культуры. Данный процесс ярко раскрывается на страницах журналов и газет [см.: 22].

¹⁴ Исследование причин и подробности разгрома проекта издания региональных советских энциклопедий см.: [8].

Однако краеведческие традиции были сохранены в локальной культуре, немало для этого удалось сделать П. П. Бажову, его исторические воззрения, как явствует из его писем и заметок по уральской истории, были глубокими и прогрессивными [см.: 4].

Впоследствии Иван Алексеевич так и не вернулся к идее окончания произведения (возможно, рукопись погибла в трудные годы войны) и в своей первой довоенной диссертации занимался отнюдь не уральской литературой. Но многое перевернула война — после нее центральными интересами Дергачева становятся творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка и вся уральская литература в целом.

Опыт писательского творчества наверняка для исследователя литературы не прошел даром. Окунувшись однажды в перипетии создания художественного текста, работы с редакторами, надежды на признание и мысли о возможном разочаровании, И. А. Дергачев был чуток к творческо-биографическому подтексту литературных произведений, умел проследить тонкие и неочевидные на первый взгляд связи обстоятельств жизни, психологии писателя и создаваемой художественной реальности текста.

В последующее время история Чёрмозского общества «Вольность» стала предметом исследования в связи с истоками народного протеста [21] и историей тюрем [3], историей Пермского края, историей образования [10] и т. п. В связи с проблемой народного свободомыслия к данной теме обращался Л. А. Коган [12]. Но смелой попытки представить страничку из реальной истории Пермской губернии о молодежном протесте 1836 г. в форме занимательного исторического нарратива после И. А. Дергачева никто не повторил.

Литература

1. Блажес В. В. Право на память. Андрей Ладейщиков // Литература Урала: история и современность. Вып. 7. Литература и история — грани единого (к проблеме междисциплинарных связей) : в 2 т. Екатеринбург, 2013. Т. 1. С. 258–272.
2. Богословская О. И. П. С. Богословский // Профессора Пермского университета : биобиблиограф. указ. Пермь, 1991. С. 13–14.
3. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. 2-е изд. Т. 2 : 1825–1870. М., 1951. С. 322–331.
4. Григорьев Г. А. Исторические взгляды П. П. Бажова (на материале эпистолярного наследия) // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2014. № 2 (127). С. 32–44.
5. Дергачев И. А. Предварительные соображения о задачах библиографии русской литературы на Урале, ее границах и путях работы над ней // Дергачевские чтения — 2011 : Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. : в 3 т. Екатеринбург, 2012. Т. 1. С. 5–7.
6. Дергачева М. И. Архив профессора И. А. Дергачева: структура и исследовательский потенциал // Дергачевские чтения — 2011 : Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. : в 3 т. Екатеринбург, 2012. Т. 1. С. 33–49.
7. Дмитриев А. А. Пермские заводовладельцы Лазаревы и их преемники князя Абемяк // Исторический вестник. 1893. Т. 52, № 5. С. 59–72.
8. Ефремова Е. Прерванный полет: несостоявшиеся издания региональных советских энциклопедий 1920–1930-х гг. // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 151–166.

9. Иван Алексеевич Дергачев (1911–1991) : библиография трудов / сост. В. Н. Алексеев, М. И. Дергачева, И. И. Степанова ; вступ. ст. И. И. Дергачева, Г. К. Щенников. Свердловск, 1991 [Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34662/2/dergachev_1991.pdf (дата обращения: 17.03.2015).
10. Калинина Т. А. Развитие образования на Урале в первой половине XIX в. (школа в Чермозе Пермской губернии). Пермь, 2002.
11. Калинина Т. А. Чермозское училище // Пермский край : энцикл. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1804036049&idParentObject=> (дата обращения: 17.03.2015).
12. Коган Л. А. Крепостные вольнодумцы (XIX век). М., 1966.
13. Новокрепченых Н. Н. Чермозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб., 1889.
14. Пермский край : энцикл. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://enc.permculture.ru/start.do> (дата обращения: 12.03.2015).
15. Пирогова Е. П. Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1999. [Вып. 3]. С. 197–232.
16. Савич А. А. Тайное «Общество вольности» на Чермозском вотчинном (Лазаревском) заводе. 1836 // Пермский краеведческий сборник. 1926. Вып. 2. С. 29–43.
17. Серебров Л. В. Петр Иванович Поносов // Революционеры Прикамья. Пермь, 1966. С. 523–529.
18. Сидякина А. А. Богословский П. С. // Краеведы и краеведческие организации Перми : биобиблиогр. справ. Пермь, 2000. С. 83–85.
19. Соболева Л. С. Родословие профессора Уральского университета Ивана Алексеевича Дергачева в формате «3D» (Дерновы, Дергачевы, Дрягины) // Дергачевские чтения — 2011 : Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всеросс. науч. конф. : в 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 2012. С. 21–33.
20. Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 1995, 2000, 2010 (изд. 1, 2, 3).
21. Ушаков Н. Ф. К вопросу о возникновении Чермозского тайного общества «верных приверженцев свободы» // Учен. зап. Выборгского пед. ин-та. 1957. Т. 1. Вып. 1. С. 43–53.
22. Хроника литературной жизни Урала XIV — первой половины XX века (Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области). Екатеринбург, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litural.ru/khronika/> (дата обращения: 10.03.2015).
23. Черноухов Э. А. Какой «свободы» хотели учителя частных горнозаводских школ Урала в первой половине XIX века? // Проблемы истории России. Вып. 9 : Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. Екатеринбург, 2011. С. 416–422.
24. Шарц А. К. Богословский Павел Степанович : (Библиогр. материалы). Пермь, 1969.
25. Шилов А. В. Савич Александр Антонович // Пермский край : энцикл. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803700712> (дата обращения: 10.03.2015).
26. Шилов А. В. Савич Александр Антонович // Профессора Пермского гос. ун-та : (1916–2001). Пермь, 2001. С. 166.